

РУДОЛЬФИО

Рассказ

Первая встреча состоялась в трамвае. Она тронула его за плечо и, когда он открыл глаза, сказала, показывая на окно:

— Вам сходить.

Трамвай уже остановился, и он, проталкиваясь, спрыгнул сразу за ней. Она была совсем девчонка, лет пятнадцать-шестнадцать, не больше; он понял это тут же, увидев ее круглое, моргающее лицо, которое она повернула к нему, ожидая благодарности.

— Спасибо,— сказал он,— я ведь мог бы проехать.

Он почувствовал, что ей этого недостаточно, и добавил:

— Сегодня был сумасшедший день, я устал. А в восемь мне должны позвонить. Так что ты меня здорово выручила.

Кажется, она обрадовалась, и они вместе побежали через дорогу, оглядываясь на мчащуюся машину, которая уже набрасывала на них два своих золотистых световых лассо. Шел снег, и он заметил, что на ветровом стекле машины работал «дворник». Когда идет снег — вот такой мягкий, пушистый, словно где-то там, наверху, теребят диковинных снежных птиц, — не очень-то хочется идти домой. «Подожду звонка и снова выйду», — решил он, оборачиваясь к ней и размышляя, что бы ей сказать, потому что дальше молчать было уже неудобно. Но он не знал, о чем можно с ней говорить, и все еще раздумывал, когда она сама сказала:

— А я вас знаю.

— Вот как! — удивился он. — Это каким же образом?

— А вы живете в сто двадцатом, а я в сто четырнадцатом. В среднем два раза в

неделю мы вместе ездим на трамвае. Только вы, конечно, меня не замечаете.

— Это интересно.

— А что тут интересного? Ничего интересного нету. Вы, взрослые, обращаете внимание только на взрослых, вы все ужасные эгоисты. Скажете, нет?

Она повернула голову вправо и смотрела на него слева, снизу вверх. Он хмыкнул, и только, и не стал ничего ей отвечать, потому что не знал, как вести себя с ней, что можно и что нельзя ей говорить.

Некоторое время они шли молча, и она глядела прямо перед собой и, также глядя прямо перед собой, она, как ни в чем не бывало, заявила:

— А вы ведь еще не сказали, как вас зовут.

— А тебе это необходимо знать?

— Да. А что особенного? Почему-то некоторые считают, что если я хочу знать, как зовут человека, то обязательно проявляю к нему нездоровый интерес.

— Ладно,— сказал он,— я все понял. Если тебе это необходимо — меня зовут Рудольф.

— Как?

— Рудольф.

— Рудольф,— она засмеялась.

— Что такое?

Она засмеялась еще громче, и он, остановившись, стал смотреть на нее.

— Рудольф,— она округлила губы.— Рудольф. Я думала, что так только слона в зверинце могут звать.

— Что?!

— Ты не сердись,— она тронула его за

рукав. — Но смешно, честное слово, смешно. Ну, что я могу поделывать?

— Девчонка ты, — обиделся он.

— Конечно, девчонка. А ты взрослый.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— А мне двадцать восемь.

— Я же говорю: ты взрослый и тебя зовут Рудольф.

Она снова хохотнула, хитро поглядывая на него справа, снизу вверх.

— А тебя как зовут? — спросил он.

— Меня? Ни за что не угадаешь.

— А я и не буду гадать.

— А если бы и стал — не угадал бы. Меня зовут Ио.

— Как?

— Ио.

— Ничего не пойму.

— Ио. Ну, исполняющий обязанности. Ио.

Отмщение наступило моментально. Не в силах остановиться, он хохотал, раскачиваясь то вперед, то назад, как колокол. Достаточно было ему взглянуть на нее, и смех начинал разбирать его снова.

— И-о, — булькало у него в горле. — И-о.

Она ждала, оглядываясь по сторонам, потом, когда он немного успокоился, обиженно сказала:

— Смешно, да? А ничего смешного. Ио — обыкновенное латышское имя, а я латышка.

— Ты извини, — улыбаясь, он наклонился к ней. — Но мне действительно было смешно. Вот теперь мы квиты, правда?

Она кивнула.

Первым был ее дом, а за ним — его. Остановившись у подъезда, она спросила:

— А какой у тебя телефон?

— Тебе это не надо, — сказал он.

— Боишься?

— Дело не в этом.

— Взрослые всего на свете боятся.

— Это верно, — согласился он.

Она вынула из рукавицы свою ручонку и подала ему. Рука была холодной и тихой. Он пожал ее.

— Ну, беги домой, Ио.

Он опять засмеялся.

У двери она остановилась.

— А теперь ты меня узнаешь в трамвае?

— Еще бы, конечно узнаю.

— До трамвая, — она подняла над головой руку.

— ...в котором мы вместе поедem, — добавил он.

Через два дня он уезжал в командировку на север и вернулся только через две недели. Здесь, в городе, уже чувствовался прятный,

острый запах наступающей весны, сдувшей с него, словно пепел, зимнюю неясность и не отчетливость. После северных туманов все здесь было ярче и звонче, даже трамваи.

Дома жена чуть ли не сразу же сказала ему:

— Тут тебе каждый день какая-то девчонка звонит.

— Какая еще девчонка? — равнодушно и устало спросил он.

— Не знаю. Я думала, ты знаешь.

— Не знаю.

— Она мне надоела.

— Забавно, — нехотя улыбнулся он.

Он принимал ванну, когда зазвонил телефон. Через дверь было слышно, как жена отвечала: приехал, моется, пожалуйста, попозже. Он уже собирался ложиться, когда телефон зазвонил снова.

— Да, — сказал он.

— Рудик, здравствуй, ты приехал! — раздался в трубке чей-то радостный голос.

— Здравствуй, — осторожно ответил он. — Кто это?

— А ты не узнал? Эх ты, Рудик... Это я, Ио.

— Ио, — тотчас вспомнил он и невольно рассмеялся. — Здравствуй, Ио. Ты, оказывается, подобрала для меня более подходящее название.

— Да. Тебе нравится?

— Меня так звали, когда мне было столько же, сколько сейчас тебе.

— Не важничай, пожалуйста.

— Нет, что ты...

Они замолчали, и он, не выдержав, спросил:

— Так в чем дело, Ио?

— Рудик, она что — твоя жена?

— Да.

— А почему ты не сказал мне, что женат?

— Прости меня, — шутливо ответил он, — я не знал, что это очень важно.

— Конечно, важно. Ты что — любишь ее?

— Да, — сказал он. — Ио, послушай, пожалуйста: не надо мне больше звонить.

— Испугался, — нараспев произнесла она. — Ты, Рудик, не подумай чего. Ты, конечно, живи с ней, если хочешь, я не против. Только так тоже нельзя: не звони. А может, мне по делу надо будет.

— По какому делу? — улыбаясь, спросил он.

— Ну как, по какому. Ну... ну, например, из одного резервуара у меня вода никак под ответ не выкачивается в другой, — нашлась она. — Ведь тогда можно, правда?

— Не знаю.

— Конечно, можно. А ее ты не бойся, Рудик, ведь нас двое, а она одна.

— Кого?— не понял он.

— Да жену твою.

— До свиданья, Ио.

— Ты устал, да?

— Да.

— Ну, хорошо. Пожми мне лапу и ложись спать.

— Жму тебе лапу.

— А с ней даже не разговаривай.

— Ладно,— он засмеялся.— Не буду.

Все еще улыбаясь, он вернулся к жене.

— Это Ио,— сказал он.— Так зовут эту девчонку. Забавно, правда?

— Да,— выжидающе ответила она.

— Она не могла решить задачу с двумя резервуарами. Она учится не то в седьмом, не то в восьмом классе — не помню.

— И ты помог ей с задачей?

— Нет,— сказал он.— Я все перезабыл, а резервуары — это действительно сложно.

Утром телефон зазвонил чуть свет. Какой там свет — никакого света не было, весь город спал последним предрассветным сном. Поднимаясь, Рудольф взглянул на дом напротив — ни одно окно еще не было освещено, и только подъезды, как губные гармошки, сияющие металлом, светились четырьмя правильными рядами. Телефон трезвонил беспрерывно. Подходя к нему, Рудольф взглянул на часы: половина шестого.

— Слушаю,— сердито сказал он в трубку.

— Рудик, Рудик...

Он рассвирепел:

— Ио, ведь это же черт знает что такое...

— Рудик,— перебили его,— послушай, не сердись, ты еще не знаешь, что случилось.

— Что случилось?— остывая, спросил он.

— Рудик, ты уже больше не Рудик, ты Рудольфио,— торжественно объявили ему.— Рудольфио! Здорово, правда? Это я только что придумала. Рудольф и Ио — вместе получается Рудольфио, как у итальянцев. Ну-ка повтори.

— Рудольфио,— в голосе смешались отчаяние и ярость.

— Правильно. Теперь у нас с тобой одно имя — мы нерасторжимы. Как Ромео и Джульетта. Ты Рудольфио и я Рудольфио.

— Послушай,— приходя в себя, сказал он.— Ты бы не могла в другой раз нарекать меня в более подходящее время?

— Ну как ты не поймешь, что я не могла ждать. Вот. А потом тебе пора вставать. Рудольфио, запомни: в половине восьмого я жду тебя на трамвайной остановке.

— Я сегодня не поеду на трамвае.

— Почему?

— У меня отгул.

— А что это такое?

— Отгул — это внеочередной выходной, я не пойду на работу.

— А-а,— сказала она.— А как же я?

— Не знаю. Поезжай в школу и все.

— А у твоей жены тоже отгул?

— Нет.

— Ну, это еще ничего. Только ты не забывай: нас теперь зовут Рудольфио.

— Я счастлив.

Он водворил трубку на место, и чертыхаясь пошел кипятить чай. Уснуть теперь все равно он бы не смог. К тому же в доме напротив уже светились три окна.

В полдень в дверь постучали. Он как раз мыл полы и, открывая, держал в руках мокрую тряпку, которую почему-то не догадался оставить где-нибудь по дороге.

Это была она.

— Здравствуй, Рудольфио!

— Ты!— удивился он.— Что случилось?

— Я тоже взяла отгул.

— Вон как!— мужественно ответил он.— Гуляешь, значит. Ну, проходи, коли пришла. Я сейчас домою.

Не раздеваясь, она села в кресло возле окна и стала смотреть, как он, склонившись, водит тряпкой по полу.

— Рудольфио, по моему, ты несчастлив в семейной жизни,— заявила она через минуту.

Он выпрямился.

— С чего ты взяла?

— Это очень легко увидеть. Например, ты без всякого удовольствия моешь полы, а у счастливых так не бывает.

— Не выдумывай,— улыбаясь, сказал он.

— А скажешь, счастлив?

— Ничего не скажу.

— Ну, вот.

— Ты лучше разденься.

— Я тебя боюсь,— заглядывая в окно, сказала она.

— Что-что?

— Ну, ты же мужчина...

— Ах, вон что.— Он засмеялся.— Как же ты осмелилась сюда идти?

— Ну мы же с тобой Рудольфио.

— Да,— сказал он,— я все забываю об этом. Это, конечно, накладывает на меня определенные обязанности.

— Конечно.

Она замолчала и, пока он гремел ведром в кухне, сидела тихо. Но когда он вышел к ней,

пальто уже висело на спинке кресла, а лицо у нее было задумчивое и печальное.

— Рудольфио, а я сегодня плакала,— вдруг призналась она.

— Отчего, Ио?

— Не Ио, а Рудольфио.

— Отчего, Рудольфио?

— Это из-за моей старшей сестры. Она устроила скандал, когда я решила взять отгул.

— По-моему, она права.

— Нет, Рудольфио, не права.— Она поднялась с кресла и стала возле окна.— Один раз можно, как вы не поймете. Я сейчас, знаешь, какая счастливая, что с тобой говорю...

Она опять замолчала, и он внимательно посмотрел на нее. Сквозь платье, волнуясь, у нее пробивались груди, как два маленьких гнездышка. Он подумал, что уже через год лицо у нее удлинится и станет красивым, и ему стало грустно от одной только мысли, что со временем будет и у нее свой парень, который, быть может, даже без волнения завладеет всем этим богатством. Он подошел к ней, взял ее за плечи и, улыбнувшись, сказал:

— Все будет хорошо.

— Правда, Рудольфио?

— Правда.

— Я тебе верю,— сказала она.

— Да.

Он хотел отойти, но она позвала:

— Рудольфио!

— Да.

— Зачем ты так рано женился? Ведь еще бы два года, и я бы вышла за тебя замуж.

— Не торопись,— сказал он.— Ты и так выйдешь замуж, за какого-нибудь очень хорошего парня.

— Я бы хотела за тебя.

— Он будет лучше, чем я.

— Ну да,— недоверчиво протянула она.— Ты думаешь, лучше бывают?

— В тысячу раз лучше бывают.

— Но это будешь не ты,— она вздохнула.

— Давай лучше пить чай,— предложил он.

— Давай.

Он пошел на кухню и поставил чайник на плитку.

— Рудольфио!

Она стояла возле полок с книгами.

— Рудольфио, у нас с тобой самое красивое имя. Вот посмотри, даже у писателей нет лучше.— Она на мгновение умолкла.— Может быть, только вот у этого. Эк-зю-пе-ри. Правда, красивое?

— Да,— сказал он.— А ты не читала его?

— Нет.

— Возьми и почитай. Только без отгулов, договорились?

— Договорились.

Она стала одеваться.

— А чай?— вспомнил он.

— Рудольфио, я лучше пойду, хорошо?

Улыбка у нее была грустная.

— Ты только не говори своей жене, что я здесь была. Хорошо, Рудольфио?

— Ладно,— пообещал он.

Когда она ушла, он почувствовал, что ему стало тоскливо, он был полон какой-то необъяснимой, еще не открытой тоски, тем не менее существующей в природе. Он оделся и вышел на улицу.

Весна наступила как-то сразу, почти без предупреждения, она как гол влетела в ворота города, вызвав неистовый шум болельщиков. Люди за несколько дней стали добрее, и эти несколько дней казались им переходным периодом от поры ожидания к поре свершения, потому что весенние сны с мастерством опытной цыганки нагадали им счастья и любви.

В один из таких дней, уже вечером, когда Рудольф возвращался домой, его остановила пожилая женщина.

— Я мать Ио,— начала она.— Вы простите, вас, кажется, зовут Рудольфио.

— Да,— улыбнувшись, согласился он.

— Я знаю о вас от дочери. В последнее время она много говорит о вас, но я...

Она замаялась, и он понял, что ей трудно спросить то, что необходимо было спросить как матери.

— Вы не волнуйтесь,— сказал он.— У нас с Ио самая хорошая дружба, и ничего плохого от этого не будет.

— Конечно, конечно,— смущаясь, заторопилась она.— Но Ио — несдержанная, взбалмошная девочка, она нас совсем не слушает. И если вы повлияете на нее... Понимаете, я боюсь, возраст такой, что надо бояться,— она может натворить глупостей. И потом меня пугает, что у нее совсем нет подруг среди одноклассниц и даже вообще среди сверстников.

— Это плохо.

— Я понимаю. Мне показалось, вы имеете на нее влияние...

— Я поговорю с ней,— пообещал он.— Но, по-моему, Ио хорошая девчонка, зря вы так беспокоитесь.

— Не знаю.

— До свиданья. Я поговорю с ней. Все будет хорошо.

Он решил позвонить ей сразу же, не откладывая, тем более, что дома не было жены.

— Рудольфио!— было видно, что она очень обрадовалась.— Какой же ты молодец, что позвонил. Рудольфио, а я опять плакала.

— Нельзя так часто плакать,— сказал он.

— Это все «Маленький принц». Мне его жалко. Ведь правда, он был у нас на земле?

— По-моему, правда.

— И по-моему, тоже. А мы не знали. Ведь это же ужасно. И если бы не Экзюпери, никогда бы не узнали. Не зря у него такое же красивое имя, как у нас.

— Да.

— Я еще вот о чем думаю: хорошо, что он так и остался Маленьким принцем. Потому что страшно: а вдруг потом он бы стал самым обыкновенным. А у нас и так слишком много обыкновенных.

— Не знаю.

— Зато я знаю, это точно.

— А «Планету людей» ты прочитала?

— Я все прочитала, Рудольфио. По-моему, Экзюпери очень мудрый писатель. Даже страшно становится— до чего мудрый. И добрый. Помнишь: Барка выкупают на свободу, дают ему деньги, а он тратит их на туфельки для ребятшек и остается ни с чем.

— Да,— сказал он.— А помнишь Боннафуса, который разорял и грабил арабов, а они его ненавидели и в то же время любили.

— Потому что без него пустыня казалась им самой обыкновенной, а он делал ее опасной и романтической.

— Ты молодчина, если все это понимаешь,— сказал он.

— Рудольфио,— она замолчала.

— Я слушаю,— напомнил он.

Она молчала.

— Рудольфио,— отчего-то волнуясь, сказал он.— Приходи сейчас ко мне, я один.

Оглядываясь, она прошла к креслу и села.

— Ты чего такая тихая?— спросил он.

— Ее правда нет?

— Жены?

— Ну да.

— Нет.

— Мыра она у тебя.

— Что?

— Мыра — вот что!

— Где ты взяла это слово?

— В великом русском языке. Там для нее ничего более подходящего нет.

— Ио, ну нельзя же так.

— Не Ио, а Рудольфио.

— Ах, да.

— Я недавно позвонила и попала на нее. Знаешь, что она мне сказала? Если, говорит, ты насчет резервуаров, то лучше обратись к учителю. По-моему, она ревнует тебя ко мне.

— Не думаю.

— Рудольфио, а правда я лучше ее? И у меня еще все впереди.

Он улыбнулся и кивнул.

— Вот видишь. По-моему, тебе пора с ней развестись.

— Не говори глупости,— оборвал он ее.— Я тебе слишком многое позволяю.

— Из любви, да?

— Нет, из дружбы.

Она, насупившись, умолкла, но было видно, что это ненадолго.

— Как ее зовут?

— Кого — жену?

— Ну да.

— Клава.

— Ничего себе приданое.

Он рассердился:

— Перестань.

Она поднялась, на мгновение закрыла глаза и вдруг сказала:

— Рудольфио, прости меня, я не хотела...

— Только не реветь,— предупредил он.

— Не буду.

Она отошла и отвернулась к окну.

— Рудольфио,— сказала она,— давай договоримся так: я у тебя сегодня не была и ничего этого не говорила, хорошо?

— Да.

— Считай, что это «до свидания» я тебе сказала по телефону.

— Да.

Она ушла.

Через пять минут зазвонил телефон.

— До свиданья, Рудольфио.

— До свиданья.

Он подождал, но она положила трубку.

Она уже больше не звонила, и он ее долго не видел, потому что опять уезжал и вернулся только в мае, когда на солнечных весах лето окончательно перевесило весну. В это время у него постоянно было много работы, и, вспоминая о ней, он все откладывал: поговорю завтра, послезавтра, но так и не поговорил.

Они встретились случайно — наконец-то в трамвае. Он увидел ее и стал нетерпеливо проталкиваться, боясь, что она сойдет — ведь она могла сойти и на другой остановке, а он бы, наверное, не решился прыгнуть вслед за ней. Но она осталась, и он поймал себя на том, что обрадовался этому больше, чем следовало бы, наверное.

— Здравствуй, Ио,— касаясь рукой ее плеча, сказал он.

Она испуганно обернулась, увидела его и, радостно замешкавшись, кивнула.

— Ио!

— Не Ио, а Рудольфио,— как и раньше, поправила она.— Мы ведь с тобой все еще друзья, правда?

— Конечно, Рудольфио.

— Ты уезжал?

— Да.

— Я однажды звонила, тебя не было.

— Я уже целую неделю здесь.

Народу в трамвае было много, и их беспрерывно толкали. Пришлось встать совсем близко друг к другу, и ее голова касалась его подбородка, а когда она поднимала лицо, а он, прислушиваясь, наклонялся, приходилось отводить глаза — настолько это было рядом.

— Рудольфио, хочешь, я тебе что-то скажу?— спросила она.

— Конечно, хочу.

Она опять подняла лицо, совсем близко к его лицу, так что ему захотелось зажмуриться.

— Я все время скучаю без тебя, Рудольфио.

— Глупышка ты,— сказал он.

— Я знаю.— Она вздохнула.— Но ведь не скучаю же я по всяким мальчишкам, они мне сто лет не нужны.

Трамвай остановился, и они сошли.

— Ты пойдешь к своей Клаве?— спросила она.

— Нет, давай погуляем.

Они свернули к реке, туда, где начинался пустырь, и шли без дорожки, перепрыгивая через кочки и кучи мусора, и он взял ее за руку, помогая перебираться через завалы.

Она молчала. Это было непохоже на нее, но она молчала, и он чувствовал, что она, как и он, тоже полна волнения — сильного, гудящего и ничему не подвластного.

Они вышли к яру, и все еще держась за руки, смотрели на реку, и куда-то за реку, и снова на реку.

— Рудольфио,— не выдержав, сказала она.— Меня еще ни разу никто не целовал.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— В губы,— попросила она.

— В губы целуют только самых близких людей,— мучаясь, выдавил он.

— А я?

...Она вздрогнула, и он испугался. В следующее мгновение он вдруг понял — не почувствовал, а именно понял, что она ударила его, закатила самую настоящую пощечину и бросилась бежать, снова туда — через пу-

стырь, через кочки, через волнение и ожидание.

А он стоял и смотрел, как она убегает, и не смел даже окликнуть ее, не смел броситься за ней и догнать. Он еще долго стоял — опустошенный, ненавидящий себя.

Это случилось в субботу, а в воскресенье рано утром ему позвонила ее мать.

— Рудольфио, простите, пожалуйста, наверное, подняла вас...

Голос у нее был сбивчивый, дрожащий.

— Я слушаю,— сказал он.

— Рудольфио, Ио сегодня не ночевала дома.

Ему надо было что-нибудь ответить, но он молчал.

— Мы в отчаянии, мы не знаем, что делать, что предпринять, это впервые...

— Сначала успокойтесь,— сказал наконец он.— Может быть, она заночевала у подруги.

— Не знаю.

— Скорей всего, так оно и есть. Если часа через два не придет, будем искать. Только успокойтесь, через два часа я позвоню вам.

Он опустил трубку, подумал и сказал сам себе: ты тоже успокойся, может быть, она заночевала у подруги. Но успокоиться он не мог, наоборот, он почувствовал, что его начинает бить нервная дрожь. Чтобы унять ее, он пошел в чулан и, насвистывая, стал рыться в своих старых, еще школьных учебниках. Задачник по алгебре где-то запропастился и, отыскивая его, он немножко отвлекся.

Телефон, притаившись, молчал. Рудольф закрыл за собой на кухне дверь и стал листать задачник. Вот она: если из одного резервуара в течение двух часов перекачивать воду в другой резервуар...

Зазвонил телефон...

— Она пришла,— не сдерживаясь, мать заплакала.

Он стоял и слушал, как она вытирает платочком глаза.

— Рудольфио, придите, пожалуйста, к нам.

Она опять заплакала и уж потом добавила:

— С ней что-то случилось.

Не спрашивая разрешения, он снял плащ, и мать молча показала ему рукой на дверь ее комнаты.

Ио сидела на кровати, поджав под себя ноги, и, раскачиваясь, смотрела прямо перед собой в окно.

— Рудольфио!— позвал он.

Она обернулась к нему и ничего не сказала.

— Рудольфио!

— Перестань,— брезгливо сморщилась она.— Какой ты Рудольфио, ты самый элементарный Рудольф.

Удар был настолько сильным, что боль сразу охватила все тело, но он заставил себя остаться, он подошел к окну и оперся на подоконник.

Она все раскачивалась взад и вперед, и

все смотрела перед собой, и тихо скрипели под ней пружины кровати.

— Ну, хорошо,— соглашаясь с ней, сказал он.— Но объясни, где ты была.

— Тебе это интересно?— она явно передрознивала его.

— Да.

Не обращая на него внимания, она замурлыкала какой-то протяжный незнакомый мотив — тоскливый и бесконечный. И все раскачивалась взад и вперед.

В ОБЩЕМ ВАГОНЕ

Рассказ

Давно, очень давно Волков не ездил в общем вагоне, а тут пришлось. Это было время летнего пассажирского наводнения, и поезда, как волны, один за другим шли к дальним западным и восточным берегам, с шумом шибаясь на вокзалах и каким-то чудом все же расходясь по сторонам. Волков прошел в последний вагон и стал проталкиваться среди ног и спин. Сесть было негде: всюду люди и узлы, и узлы походили на людей, а люди на узлы — те и другие двигались, толкались и искали свободное место. Волков встал у самого выхода из последнего купе и снял пиджак.

Духота в вагоне стояла невыносимая. Люди быстро вспотели и теперь пылали, словно костры, разожженные друг возле друга. Капли пота на их лицах сверкали, как искры, — казалось, вот-вот они затрещат, разлетаясь по сторонам, но в самый последний момент люди торопливо гасили их платками. Поезд уже должен был двинуться, но почему-то все стоял и стоял. Волков уже в который раз начинал считать до десяти, гадая, на каком же числе состав тронется, но тот, казалось, никуда не торопится.

Прямо перед Волковым на скамье сидели две девушки лет по семнадцать-восемнадцать и мужик в соломенной шляпе и в каком-то блестящем, чешуйчатом галстуке, который даже по форме напоминал рыбий хвост. Когда мужик открывал рот, хватая им воздух, галстук в такт этому жадному дыханию послушно двигался из стороны в сторону. Четвертое место на скамье было занято странного вида остроконечным узлом, родство которого с мужиком даже не надо было доказывать,—

он восседал как его родной сын. Волкова этот узел раздражал. Только потому, что его принесли раньше, он занял место, а человек должен стоять на ногах.

— Папаша,— не вытерпел наконец Волков,— а узел-то можно бы убрать, а?

— А там водка,— сказал мужик.

— Ну и что?

— А ничего. Оно, конечно, можно и водку под лавку засунуть. Вот ты и сядешь.

— Спасибо,— буркнул Волков.

Только он сел, поезд тронулся. По вагону сразу же прошелся ветерок, и люди зашевелились, задышали, стали приглядываться друг к другу. В ожидании время остается как бы всего лишь с одной часовой стрелкой: оно утомительно и неторопливо. Но вот ожидание кончилось, минутная стрелка снова пошла по кругу, и люди сразу стали другими, словно и в них тоже заработали какие-то важные части, которые были выключены. Мужик рядом с Волковым вдруг о чем-то забеспокоился и заерзал на своем месте, посматривая то в одну, то в другую сторону. Потом он повернулся к Волкову.

— Далеко едешь?

— Нет.

— Это смотря как рассматривать,— философски заметил мужик,— а то можно сказать, что и до Москвы недалеко.

— Можно,— согласился с ним Волков,— но я до Москвы не доеду, я утром сойду.

Мужик кивнул головой, но не успокоился. О чем-то размышляя, он еще раз кивнул и после этого спросил:

— Это какая же остановка у нас утром будет?